

КРИТИК **ВАЛЕРИЯ**
ПУСТОВАЯ РЕКОМЕНДУЕТ

ЕВГЕНИЙ ЭДИН

**ДОМ,
В КОТОРОМ
МОГУТ ЖИТЬ
ЛОШАДИ**

Москва
2018

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Э21

Художественное оформление серии *Петра Петрова*

Эдин, Евгений Анатольевич.

Э21 Дом, в котором могут жить лошади / Евгений Эдин. — Москва :
Издательство «Э», 2018. — 416 с.

ISBN 978-5-04-089814-5

В книге Евгения Эдина «Дом, в котором могут жить лошади» вязкая правда совмещается с воздушной мечтой. Это тонкая, литературными средствами созданная иллюзия, что человек может прожить разом две жизни: реальную и воображаемую, — как будто идти одновременно вниз и вверх. Задумаешься, что же важнее в зрелом возрасте: как следует укорениться в жизни или научиться ускользать от всего, что держит на месте? Но из литературной ловушки Эдина нет определенного выхода. Это проза перехода, остро внимательная к состояниям жизни, к моментам выбора.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089814-5

© Пустовая В., предисловие, 2018
© Эдин Е., текст, 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

МИРАЖНЫЙ ВОЗРАСТ

Рассказы и повести Евгения Эдина — красноярского писателя из тридцатилетних — интригуют нас, будто изображение одной известной оптической иллюзии: нарисованы ступени, мы взглядом следуем по ним, будто идем, и — теряемся, оказавшись в начальной точке пути. Куда же вели они: вверх или вниз?

«Бесконечная лестница» Лайонела и Роджера Пенроузов была бы отличной иллюстрацией для этой прозы — пусти по ней шагать героя Эдина. Схематичный рисунок-головоломка обретет вдруг приятную наполненность — спелым светом августовского вечера, дыханием сырого леса за городом, обеденным теплом кухни, где собралась семья. Человек как будто дошагал до цели и берет паузу: герои Эдина встречаются нам в расслабленные минуты релакса и интима, на шоу и танцах, на прогулке и по дороге домой. Теплые, размягченные, размечтавшиеся — не подозревающие, что вот-вот их настигнет и подстегнет ловушка, задуманная автором.

И герой вдруг задумается, собьется с размеренного хода.

Вверх или вниз? Куда пришел я вот такой, как сейчас: при пиджаке и разменянном тридцатнике, финансовой независимости или проваленных амбициях, опасной любовнице или скучном женихе, со страстной мечтой о ребенке или совсем выросшей дочерью, в съемной хате или большом доме на всю семью, — ну так куда же пришел я: к исполнению желаний или полному фиаско, к стабильности или рутине?

К себе я шел, короче, или от себя?

Герои Евгения Эдина меряют пройденный путь вещами конкретными — но смотрят на них из какого-то мечтательного далёка.

И было бы проще всего сказать, что это не окончательно отпущенная юность оценивает, стоило ли потратить ее на обретение таких вот плодов зрелости.

Нет, проза Эдина сталкивает не поколения и не этапы жизни, а ее стихии.

Среды обитания.

Говоря образами из его рассказов — «глину» и «ветер прерий».

Герои вязнут старыми сапогами в «красной глине» — а волосы их растрепаны «ветром прерий». И всякий разумный читатель поймет, что «глина» реальна и героям сильно докучает, а «ветер прерий» — удачно найденная метафора и героев никак не выручит.

Однако в этой прозе реальность и метафора — равно достоверны.

И вот она, «бесконечная лестница» Евгения Эдина: совмещение вязкой правды с воздушной мечтой.

Тонкая, литературными средствами созданная иллюзия, что человек может проживать разом две жизни: реальную и воображаемую, — как будто идти одновременно вниз и вверх.

Напрасно в рассказе «Кнапнугель», где невесомо подует «ветром прерий», жена возразит, что ничего подобного не было, апеллируя к своему статусу главного свидетеля, — все равно ее муж живо припомнит, как на свадьбе подрался, а потом умчал с невестой на мотоцикле.

Напрасно и в центральной повести книги — «Доме, в котором могут жить лошади» — девушка пытается вывести на чистую воду отца своего жениха. Мерцающий человек, живая городская легенда, кто он: актер по жизни или аферист, сказочник или неудачник? Аргументов в повести наберется для любой версии, но важнее ответить на другой, куда менее очевидный вопрос: почему именно в ускользящем присутствии этого инфантильного враня девушка наконец чувствует себя готовой к настоящим поступкам и взрослым решениям?

Задумаешься тут и сам, что же важнее в зрелом возрасте: как следует укорениться в жизни или научиться ускользать от всего, что держит на месте?

Вниз или вверх, взаправду или в мечтах, осесть или оттолкнуться — из литературной ловушки Эдина нет определенного выхода. Это проза перехода, остро внимательная к зыбким, перекатным состояниям жизни, к моментам выбора.

Эту книгу хорошо открыть, как окно в нагретой, заставленной, давно обжитой комнате. И вспомнить, что свежесть чувств — награда рискующих и уязвимых, а новизна обстановки оплачивается неуверенностью в завтрашнем дне.

С Евгением Эдиным приятно оказаться в начальной точке пути, сколько бы ни прошел. Ощутить, как в каждом возрасте, периоде, моменте жизни открываются разом две перспективы: роста — и кризиса, взросления — и пригасания юности, стремления к дразнящей новизне — и внезапной печали о том, что, казалось, давно наскучило.

С ним удастся побыть опять незрелым, незрелым, неуверенным — а значит, готовым к кульбиту в ветре прерий. К странному, мечтательному, свободному повороту сюжета, которого вы боялись, но хотели просить.

Иначе — другой поворот, назад, и будем, как герои Эдина, маяться чувством вины, ошибки, мучиться, что обознались насчет себя: обманулись в любви, разминулись с настоящим предназначением. В книге есть возможность и для такого выбора. Но нет за него наказания и искупления.

Проза Эдина музыкальна, ритмична. И дело не только в коротком поэтическом дыхании фраз, выразительности и причудливости образов — музыка этой прозы лежит глубже слов, пронизывает само мировосприятие автора. Благодаря ему и мы начинаем вслушиваться в нюансы и переклички, в нежные оттенки и текучие настроения, которыми здесь выражены широкие развороты судьбы.

- МИРАЖНЫЙ ВОЗРАСТ -

Такое музыкальное восприятие жизни исключает суд над ней. Вина и разочарование здесь не убивают, а примирают — с самой человеческой природой, которая обречена тянуться к идеалу и никогда не обладать им.

Состояние перехода и неопределенности, ставшее главным сюжетом рассказов и повестей Евгения Эдина, открывается нам как ключевое. Жизнь и есть переход, и только тот живет по-настоящему — кто познал и принял эту ее открытость вероятностям и незавершенность на любом этапе пути, и вечную свою вину перед неисполнившейся мечтой, и разлуку с невоплощенным идеалом.

И ощутил, что зрелый возраст поэтому — всего только оптическая иллюзия.

Валерия Пустовая

- Ракета и баржа -

Когда они пришли на набережную, у него снова улучшилось настроение.

Он сказал, показывая на деревья и кусты, с беспричинной детской радостью называния вещей:

— Смотри, это клен. А это — вяз. Волчегодник. Черемуха Маака...

— Вяз? Я и не знала, что у нас растут вязы, — ответила она.

— Растут, еще как, — кивнул он. — Я всех их знаю. Я же собирался быть лесником. Ну, давно. Но потом понял, что если не давать людям убивать лес, то они начнут убивать тебя.

Набережная была двухуровневая. Они сейчас шли по верхнему уровню. А на нижнем стояли рыбаки. Их не было видно. Только иногда за перилами будто само по себе поднималось длинное удилице с ярким поплавком. Слышался тихий посвист, удилице хлестало воздух, поплавок улетал вдаль, и снова не было никаких следов присутствия рыбака.

Он остановился, выбрал плоский камешек, прикинул в руке и бросил за перила. Хотел, чтоб камешек запрыгал по поверхности реки, как лягушка. Но помешала высота, и камешек забурился в воду и пошел ко дну.

— Как ты думаешь, у нас уже кризис тридцати? — спросила она, помолчав. — Мы почти не разговариваем, и вообще...

— Давай поговорим. Задавай тему.

— Раньше нам не нужно было искать тему.

— Нет у нас никакого кризиса, — сказал он, снова трогаясь вдоль набережной. — Вот еще волчегодник. Акация.

Я не чувствую никакого кризиса, подумал он. Я погрузился на тот уровень существования, на котором понятия «хорошо» и «плохо» отсутствуют. Мы сонно покачиваемся на волнах, как эти корабли на причале, на вечном приколе. Из одного — «Святителя Николая» — сделали плавучий музей. Другие — «Юнга», «Том Сойер» — просто стоят, иногда вяло дрейфуют друг против друга, не отходя от берега, словно играя в черепаши бега. Им не плохо. Они забыли, как взрывать винтом гладь большой воды.

— Не знаю, — сказала она и вздохнула. — По-моему, ты несчастлив. И слишком переживаешь из-за работы.

Он заговорил, раздражаясь:

— Я не переживаю из-за работы. То есть переживаю, но у меня нет идеи фикс «как мне плохо». Ты как Ростислав. Каждый разговор с ним сводится к тому, какой он молодец, что решил переехать в Кениг. И какие мы не-

счастливые, что остались в сибирской глухомани. Меня это бесит. Он говорит: «Ты злишься, потому что не хочешь признать, что вам плохо. Вы тут все позаводили семьи и не можете переехать в тепло...»

— Это правда? Ты бы хотел уехать, если без семьи?

— Нет. Я злюсь именно потому, что не согласен с ним. Я же никогда не жил в теплом климате. Мне не с чем сравнить. Поэтому мне хорошо здесь. С тобой, с Морковкой, в этом положении, как есть. А работа найдется. И не надо думать по-другому. Вот сирень. Другая сирень. Венгерская.

— А я бы жила где-нибудь в другом месте, — сказала она. — Хоть где, только не здесь. Мы с папой долго жили в Крыму. И мне есть с чем сравнить. Здесь действительно плохой климат. Зимой я как жаба — вся в прыщах от холода.

— Тебе просто надоело со мной, — ответил он, хотя не думал, что она имеет в виду это. — Я скучный и неперспективный. Вот и весь кризис.

Он ждал, что она кинется разуверять его, но она промолчала.

Был хороший августовский вечер. По середине реки с ревом носились два гидроцикла. Ими правили парни в ярких надувных жилетах. На другом берегу собрался настоящий музей речного транспорта — моторки, катамараны, катера. Вдалеке на мелководье плескались дети.

— А ты катался когда-нибудь на пароходе? — спросила она. — Я каталась на «Ракете», когда мы еще жили в

Феодосии. Такая, как там, в конце набережной. Мне было лет десять-одиннадцать. Мы катались на «Ракете», а потом купили большую бутылку лимонада. — Она улыбнулась. — Большая, прохладная бутылка лимонада в жаркий день. Мы открыли крышку, и оказалось, что там, под ней, рисунок. Мы попали под акцию. И выиграли еще маленькую бутылочку «Спрайта». Мы взяли и обменяли эту крышечку сразу на бутылочку. Не сообразили, что теперь у нас на две бутылки только одна крышечка! А еще гулять и гулять...

— И что вы сделали? — спросил он с пробудившимся интересом.

— Пришлось быстро выпить бутылочку и закрыть новой крышечкой старую большую бутылку. Не знаю, почему вспомнила.

Оживление, принесенное воспоминанием, словно волной, схлынуло. Волна откатилась, и опять стало не о чем говорить.

Набережная была покрыта хорошим асфальтом. Ее любили роллеры, скейтбордеры и другие спортсмены. Мимо них пробежали три кавказских богатыря с одинаковыми лицами и стрижками под горшок, сосредоточенные на своем беге для стяжания силы тела и духа.

— Вот эти парни с детства все про себя знают, — сказал он, кивая им в спину. — Они знают, что, чем бы они ни занимались, они всегда будут сильными и уверенными. Будут занимать четкую позицию в жизни. Это правильно и притягательно. Да? Так ведь?

— Так. А тебе нравится сомневаться?

— Не всегда. Но вот такое простое решение, как у них... я так не хочу, — сформулировал он неуклюже.

— Значит, нравится сидеть на заднице, — ответила она, пожав плечами.

Они маленько цапнулись. Несерьезно, без настоящего зла. Несколько минут шли молча.

— Я пойду, — сказала она наконец. — Скоро придет Анька, буду ее красить. Ты забираешь от деда Морковку.

— Знаю, — ответил он.

И она скрылась.

У него был час в запасе. То ли под влиянием рассказа жены, то ли еще почему-то ему вдруг смертельно захотелось газировки — в стеклянной бутылке, как в детстве. Он зашел в павильон «Отвертка», купил лимонад, сбил крышку и сел на ближайшую лавку с витой спинкой. Бесцельно шнырял по сторонам глазами, замечая и откладывая в памяти пока ненужное, но способное пригодиться когда-нибудь. Гуляющие пары, родители с колясками, дети всех возрастов, блеск августовского солнца в воде.

Бутылка быстро кончилась. Он купил еще одну, но на лавку не вернулся. Ему было необходимо случайное, необязывающее общение. Он спустился на нижний уровень набережной, где стояли редкие фигурки рыбаков. Выбрав глазами одного — пожилого, с засаленными волосами, в джинсовой панамке, — он подошел и стал рядом, словно бы смотря на воду.

— Клюет? — спросил он.

— Кого там клюет...

Рыбак занимался своим делом: сматывал катушку, захлестывал удилице за спину и снова посылал крючок с грузилом далеко-далеко, в небо, где тревожно кричали чайки.

— Вы разрешите? — снова сказал он. — Если вот, например... Я вот хожу и везде — на остановке, в книгах в магазине, — везде ищу намек: где работа? Где деньги? Кажется, что вот, вот на той полке... сейчас подойду и увижу книгу. Невзрачную, старую... Открою ее, и там... не банкноты... — Он зло усмехнулся. — Это как-то слишком. Не банкноты. А вскользь фраза, которая... которая... Я сам, может, не пойму, но выйду из магазина, приду домой. И на девятый день вечером мне позвонят, на меня выйдут и предложат. И я даже сам не пойму, что это случилось из-за той прочитанной вовремя фразы в забытой книге. Чего только не приходит в голову от безденежья. Непонятно говорю, да? — Он улыбнулся.

— Ну, — сказал рыбак. — Ты скажи...

— Вот вчера. Я заработал — немного, но как раз столько, сколько нужно. Ну так случилось, что эти деньги мне в самый раз, будто **там** знают, что мне нужно вот столько, чтоб заплатить кредиты. И вот такое искушение — зайти и все деньги эти растратить. Накупить дорогой колбасы. Или ящик пива. Не потому купить, что так уж хочется пива или колбасы. А назло **им**. Не должны деньги так бегать от человека! Понимаешь? Уже жена начала зарабатывать больше меня.

— Ты скажи, — повторил рыбак и покачал головой.